В целом анализ влияния социально-статусных установок на формирование политических ориентаций усложняет дихотомическую картину выбора и не позволяет выявить однозначные зависимости. Косвенной иллюстрацией процесса усложнения выбора под влиянием социокультурных факторов может выступать анализ комплекса выявленных корреляций социально-демографических факторов и политических предпочтений избирателей на выборах. Российский социум сегодня является поликультурным обществом, где сосуществуют взаимоисключающие установки и ценности, поэтому электоральные предпочтения заметно варьируются в различных группах населения.

Библиографический список

1. *Малинова О.Ю.* Исследования политической культуры в России: особенности национального академического дискурса и интернациональные методологические проблемы // Политическая наука в России. М., 2008.

2. *Багновская Н.М.* Социокультурные особенности модернизационных процессов в России // Проблемы модернизации российской государственности: стратегии, институты, акторы: сб. науч. трудов. Саратов, 2010.

3. Отчет о результатах социологического исследования по одномандатным избирательным округам Саратовской области (28 августа " 7 сентября 2007 г.). Саратов, 2007.

4. *Мелешкина Е.Ю.* Российский избиратель: установки и выбор. // Первый электоральный цикл в России (1993–1996) / общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. М., 2000.

5. Российская идентичность в социологическом измерении: аналит. докл. рабочей группы Института социологии РАН // Полис. 2008. № 1, 2.

O.N. Fomin
The Collision of Electoral Groups in the Space of the Russian Political Culture

Peculiarities of the participation of traditional and new electoral groups in the election company are considered through the analyses of the correlation of the Russian political culture and the new post-modern ideas.

Key words and word-combinations: political culture, modern, post-modern, electoral groups, elections.

Посредством анализа взаимодействия российской политической культуры и новых постмодернистских идей рассматриваются особенности участия традиционной и новой электоральных групп в избирательной кампании.

Ключевые слова и словосочетания: политическая культура, модерн, постмодерн, электоральные группы, выборы.

УДК 316.34/.35:32
ББК 60.54+66.3(0).15

О.Н. Фомин

СТОЛКНОВЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ГРУПП В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Анализируя процессы, происходящие в российском политическом пространстве после декабрьских выборов в Государственную Думу РФ 2011 г., нельзя не задуматься над причинами неожиданно резкого выражения недовольства избирателей. Оно, несомненно, связано с осознанием значитель-

ной частью населения несправедливости избирательного процесса и своим следствием имело рост протестной активности. Это именно электоральная активность, так как люди вышли на площади протестовать против нарушения их избирательных прав.

Благодаря Интернету эта активность охватила самые различные регионы страны. Стало очевидным, что население резко осознало несправедливость того, что продолжалось десятилетиями, начиная с советских времен, – игру в выборы органов власти. Очевидность этой игры власть имущих была ясна многим. До определенного времени, пока отсутствовала сама возможность осознать массовость недовольных и их возможность скоординировать свои действия и заявить протест, все было привычно – бесперспективно и потому безразлично. Новые коммуникационные возможности создали новые технологии самоорганизации и самовыражения. На электоральное пространство, где по традиционным маршрутам перемещались средние и старшие группы избирателей, неожиданно хлынула неведомая власти и якобы аполитичная молодежь.

Активный выход этой группы электората произвел шоковое воздействие на всех акторов политического процесса – как на субъектов власти, организаторов избирательной кампании, так и на самих участников протестных движений. Долгие годы власть сетовала на слабую активность молодежи, убеждала, что, голосуя, молодые люди определяют свое будущее и будущее своих детей, доказывала, что каждый голос будет учтен. Эти заклинания не срабатывали: молодые люди, в своем большинстве, продолжали заниматься учебой, бизнесом, были болельщиками и фанатами, офисным «планктоном» и поклонниками гламура. Но вот наконец они включились в публичную политику, сразу добавив протестные голоса к тем, кого насильно загоняли на избирательные участки и кто протестовал своим голосованием против партии власти. Объединившись, эти два потока образовали значительную политическую силу. Произошедшие события обнаружили, что молодежь далеко не аполитична. Это с необходимостью поставило вопросы о политической идентификации новых акторов электорального процесса: «С кем ты, «забытое» поколение?» и «С кем ты, нарождающийся средний класс?».

Можно уверенно утверждать, что представители этих групп будут отстаивать свое право быть услышанными властью. Их поведение активизировало и традиционно молчащий электорат, который осмелился начать говорить вслух о политической ситуации в стране вообще и в период избирательных кампаний в частности.

Можно выделять причины происходящего по разным основаниям. Мы избираем политико-культурологический подход к анализу происходящего.

Представляется, что главная причина заключается в столкновении в российском политическом пространстве двух типов культуры, двух ментальностей: ставших традиционными установок модерна и все более явно обнаруживающихся характеристик постмодерна. Актуальность такого подхода уже отмечалась политологами, акцентировавшими появление феноменов постмодерна в политической жизни современной России: «культурного и политического многообразия (расцвета политических субкультур, мезо- и микрокультур.); распро-

странения политических ценностей постмодерна; проблем идентичности в политике в целом и в политическом управлении в частности; роли личности в политике; социальной политики и инициатив, идущих снизу; низовых демократических структур и горизонтального взаимодействия как на уровне гражданского общества, так и на низших и средних уровнях государственной политики; развития горизонтальных самоуправляющихся сетей; роли идентичности в политическом управлении и др.» [1].

Несмотря на очевидность указанных процессов, в целом проявления постмодерна захватывают лишь поверхностные ментальные слои российских политических акторов, оставаясь на уровне чаще всего усвоенных извне знаний и не затрагивая глубинные слои психики, определяющие поведение граждан. Речь идет о своеобразном несовпадении политических знаний, имеющихся в арсенале участников современного политического процесса, и политической культуры.

Политическая культура, как представляется, носит более глубинный характер по отношению к знанию. Можно сказать, что политическая культура – это пережитые, усвоенные и адаптированные политические знания, ставшие основой для деятельности, политического поведения, а политическое знание есть новое рационально освоенное понимание политической жизни социума – то, что может быть принято и усвоено и лишь после этого станет частью политической культуры.

Взгляд на Россию должен учитывать ее недавнее прошлое, традиции и культуру, равно как и новые политические знания и, пусть небольшой, опыт демократии в современном быстро меняющемся обществе. Рассматривая современное российское общество, мы должны признать, что оно продолжает сохранять свою специфику. Последняя такова, что описать развитие российской политической системы в рамках какой-либо одной парадигмы не представляется возможным. Ни один из подходов (классический, модернистский или постмодернистский), взятый в отдельности, не позволяет осуществить адекватный анализ политических процессов, которые происходят на пространстве России. В них противоречиво переплетаются все эти тенденции.

Как известно, эпоха модерна отличалась стабильностью и постоянством, а воздержание от перемен – «чтобы не случилось ничего нового» – понималось как разумное поведение, поскольку «всякая дальнейшая перемена будет переменой к худшему» [2]. Такие чувства долго доминировали и в советской России, и в постсоветском периоде ее развития. При этом конкретный анализ российских социально-политических реалий уже в постсоветский период все больше и больше обнаруживал черты постмодернистского типа [3, с. 9]. Первоначально казалось, что даже события, произошедшие в августе 1991 года в России, воплощали собой очередной чисто модернистский проект. Налицо были все его составляющие. Во-первых, появилась идеология, «исправившая» заблуждения старой марксистской теории и «на этот раз безошибочно» указавшая всем, куда на самом деле движется вся мировая история, неудержимо вовлекая туда и Россию. С позиций этого нового взгляда оказывалось, что движется она совсем не к мировому коммунизму, а к мировому либерализму западного образца: рыночной экономике,

правовому государству, политической демократии. История, таким образом, вновь оказалась «одновариантной». Во-вторых, появился и свой демократический авангард, который не только хорошо знал единственно правильный путь, но и был полон решимости уберечь общество от уклонений с этого пути. В-третьих, казалось, что сложилась необходимая психологическая связь между теми, кто знает, как и куда идти и готов отдавать команды, с одной стороны, и теми, кто готов их с благодарностью воспринять и начать быстро и скрупулезно выполнять, – с другой.

Однако становление нового либерального модерна удивительным образом «тащило за собой» уже постмодернистские явления, которые стали проявляться в том числе и в становлении новой российской политической культуры. Черты постмодерна обнаруживаются, во-первых, во взаимоотношениях власти и общества, а во-вторых, в политическом сознании и поведении народа.

Характер и поведение власти изменились в результате усвоения действующих на Западе политических механизмов и технологий. Известно, что всякая претензия на политическое лидерство требует обоснования своей легитимности. В России легитимация демократической власти осуществлялась посредством не правовых, а скорее идеологических механизмов. Однако роль нового гегемона предполагает наличие, с одной стороны, «высшей» идеи, от имени которой он осуществляет свою властную деятельность, а с другой – силы, которая вдохновляет массы на её реализацию. Не случайно именно в этот период российские власти усиленно искали национальную идею, новую идеологию. Причина состояла в том, что народ переставал усматривать смысл в деятельности реформаторов. В силу этого падал авторитет верховной власти и ее поддержка населением. «И властвующие и подвластные оказались в непривычной ситуации смыслового вакуума в поле власти. Власть открыла для себя истину, которую считала своей тайной и глубоко прятала (вчера – от себя самой, сегодня – от посторонних). Истина эта касается того, что за нею, властью, не стоит никакая высшая социальная, историческая и нравственная целесообразность и что представляет и защищает она лишь свои собственные интересы – корпоративные интересы тех, кто устроился во власти и сполна использует её во имя своих частных интересов» [4, с. 131].

Эта тайна «приватизированной власти» настолько бросалась в глаза, что вскоре стала общим достоянием, что и обусловило роковые сбои в механизме власти. Прежде, когда власть была легитимизирована в символическом поле «высших смыслов», ей повиновались, молча полагая при этом, что подчиняются чему-то большему, стоящему за ней. С точки зрения теоретиков постмодернизма, наличие подобного поля в системе власти очень важно. Для них политическая система – это не только вещество институтов, но и поле регулируемых ожиданий, установок, идентификаций, обеспечивающих готовность к руководству и повиновению. Не случайно авторы постструктуралистского направления, в частности П. Бурдье, разрабатывают «принцип дополнительности» в политологии: описание политических явлений на языке теории поля сочетается с их описанием на обычном языке институциональной теории [5, с. 80].

В новом пространстве политических процессов – в ситуации постмодерна – каждый исполнитель, получив предписание, терзает себя вопросами: во имя чего я должен это делать и чем я хуже тех, кто мне предписывает исполнительскую роль, оставляя себе привилегию повелевать или уклоняться? Если исполнители без конца задаются подобным вопросом, их исполнительская энергия и воля резко слабеют, а вместе с этим катастрофически слабеют возможности власти действительно управлять людьми и событиями.

Как следствие, политическое поле стало терять свою напряженность, необходимую для реализации властных решений. Произошел разрыв между политиками и народом, между политическим властным решением и его исполнением. Ситуация в политической жизни России стала складываться совершенно по-новому: власть сама отделилась от народа и стала заниматься бизнесом, обеспечивая для себя рост политической ренты. Разрыв отношений власти и народа, циничное использование политиками возможностей власти в своих личных интересах, с одной стороны, и завистливое и презрительно-брезгливое отношение к ней (власти) населения, с другой, – это яркие черты политической культуры постмодернизма.

Второй причиной появления в России элементов постмодернистской политической культуры явилось объективное втягивание страны в те внешние отношения, которые неизбежно предполагают формирование соответствующих способов и технологий осуществления государственной власти. Как известно, в западной политики сложилось доминирование не межгруппового, а массового субъекта, который руководствуется не столько идеологическими, сколько культурными интересами, отражающими «жизненные цели» отдельного индивида в диалоге с властью. Это предопределило качественное видоизменение системы представительства гражданских интересов, институционального дизайна, норм политической игры и других важнейших параметров публичной политики на Западе. Эти же процессы происходят и в России, хотя и по другим причинам. Устоявшийся социум с традиционной политической культурой рухнул. Общество атомизировалось, и вместо монолитных классов эпохи социализма возникло множество индивидов, представляющих массу, но не народ. Политические интересы заменились любопытством к политическим скандалам, политические надежды и политическая активность – разочарованием и неверием.

Итак, в современном политическом пространстве России явно обнаруживаются элементы постмодерна. Прежде всего в результате влияния западной политической культуры изменились характер поведения и цели власти. Кроме того что она стремительно увлеклась собственными, далекими от нужд народа, делами, она так же быстро стала осваивать западные технологии организации своего взаимодействия с электоратом. Приоритетными стали формы общения через различные средства массовой информации, в первую очередь электронные, что открыло новые возможности для применения технологий, трансформирующих публичные политические отношения.

Постмодернистская политика, как она представлена широким слоям потенциального электората посредством масс-медиа, имеет целью не обращение

к действительным интересам и нуждам граждан, не организацию диалога власти и общества, а создание желаемого имиджа, эмоционально-привлекательной «картинки», создающей благоприятный образ власти. Данная цель обеспечивается спецификой структур, сконструированных для взаимодействия с подвижными эмоционально-чувственными, культурно-релятивными мотивациями массового поведения граждан, прежде всего электронных СМИ, использующих лёгкий политический язык рекламы, PR-технологий и других методик. В политических отношениях (по крайней мере в области взаимоотношений власти и народа) складывается культура «игры», так любимой постмодернистами.

Несмотря на социально-экономическую неукорененность постиндустриализма в отечественном социуме, кросс-культурные связи с западным политическим миром достаточно четко проявляются в нашей стране. Реальная политика не может не ощущать этого и не реагировать на данный процесс. Это проявляется в том, что основной акцент усилий как правящего режима, так и оппозиционных структур неизбежно переносится на сознательное конструирование мотивирующих массовое поведение образов-имиджей. В результате вся политика начинает носить виртуальный характер и строится в основном на симулякрах, а не на действительных событиях и персонах. Никого уже не интересует реальный процесс формирования гражданского общества. В системе общественных отношений поощряется строительство не горизонтальных связей гражданского общества, а вертикальных отношений массового общества, а что, в свою очередь, предполагает уже не столько поиск наиболее действенных организационных структур демократии, сколько нахождение наиболее эффективных информационных технологий обеспечения связи власти с населением; не укрепление национальной государственности, а усиление позиций государства как одного из субъектов информационного рынка в борьбе с внешними и внутренними контрагентами; не конструирование идеологий, а совершенствование технологий для поддержания диалогических связей политических акторов и т.д. [6, с. 55].

Если представить власть в виде «черного ящика» Д. Истона [7, с. 71], то необходимо признать, что постмодернизм дает возможность «заглянуть» в этот «сосуд Пандоры». Речь идет даже не о «простых людях», для которых политика это «темный лес», «грязное дело» или «американское шоу», но о тех близких к политической жизни людях, которые ждали демократизации как представительства народа в органах власти, но которым постмодерн показал совершенно иное зрелище.

В постмодернистской парадигме политика получает вполне автономный статус: события, происходящие в ней, не отражают ни волю гражданского общества, ни волю высшего исторического разума или прогресса, а выступают как чистое и самоценное «производство власти» или «политическое производство». Чем больше власть отрывается от населения, тем на меньшую поддержку она может рассчитывать. Поэтому политика вообще не ориентируется на общество и повинуется лишь своим собственным законам и интересам.

Конечно, политические шоу организуются для народа. Однако настоящая

политика начинается там, где сталкиваются профессионалы, каждый из которых является держателем определенных властных ресурсов. Обладателями политических ресурсов являются профессиональные политики, политические консультанты, имиджмейкеры, влиятельные представители СМИ, руководители силовых ведомств, лидеры массовых организаций, представители бизнеса и региональной власти. Ныне значительно выросло влияние специалистов по политическим технологиям. Такой политической системе народ не нужен: не нужны его активность между выборами, не нужны и его проблемы. Профессиональные политтехнологи «работают» не с народом, а с электоратом. Им нужен электорат, причем один раз в два, четыре, пять или шесть лет.

Соответственно изменилось и отношение населения к политике. С одной стороны, оторванность власти и политического процесса от населения приводит к падению интереса людей к выборам любого уровня и росту голосования «против всех», неверию в результаты избирательных кампаний. С другой стороны, как отмечает Р. Инглхарт, в западном постмодернистском обществе политическая деятельность населения смещается с голосования на все более активные и более проблемно-специфицированные формы массового участия [8, с. 21–22]. Эти изменения травмирующим образом подействовали на традиционные политические механизмы индустриального общества, которые почти повсеместно разладились. Наибольшее же безразличие к власти, уход от политических проблем, негативное отношение к политике вообще демонстрирует молодое поколение, в том числе и в России.

После тотальной политизации всей общественной жизни в период советской власти неустойчивость и хаос перестройки породили массовую политическую апатию. У большинства молодежи произошла переориентация сознания с активно внедряемой в советское время позиции «Раньше думай о Родине, а потом о себе» на собственные интересы, которые зачастую определяются нормами, модой и стереотипами молодежных тусовок западного мира. Постмодерн вводит в политическое пространство культуру самоопределения индивида, не зависящего от классовых, национальных, религиозных, государственных традиций. Восприняв философию и политику модерна как подавление своей собственной самобытности чуждыми индивиду «общими» интересами, культура постмодерна вносит в сознание отношение к себе лично и другим индивидам как к единственной ценности, стоящей выше интересов каких-либо общностей.

Однако обретение свободы и независимости имеет и обратную сторону – повышение ответственности за себя, свои поступки и свое будущее. Напомним, что указанная свобода характеризовалась представителями экзистенциализма в таких терминах, как «заброшенность», «забота», иными словами, отсутствием надежды на какую-либо помощь извне. При наличии формальной свободы стартовые возможности оказались не у всех одинаковы. В силу этого интенсивно увеличивается дистанция между различными слоями населения: одни испытывают недовольство от пресыщения, а другие от безнадежности и неуверенности в себе и своем будущем. Скрываясь от безнадежности

и бессмысленности реальной жизни, многие (независимо от социальных различий) ушли в виртуальный мир сетевого общения и на первом этапе составили инертную в отношении политики массу. В целом такая ситуация вполне устраивала власти предержащие.

Между тем существование «мировой сети» создало предпосылки для формирования принципиально нового сообщества и нового типа социальной, в том числе политической, активности. «Забытое поколение», сидевшее в социальных сетях, блогах, ЖЖ и чатах, обсудило все проблемы, обругало власть, еще не осознало свои политические интересы, но уже осознало свое несогласие с системой и потребовало перемен. По оценке фонда «Общественное мнение», около трети россиян считают, что после президентских выборов 2012 г. в стране произойдут значительные перемены, но половина – уверены, что очередные выборы на жизни страны особо не отразятся [9].

В России, как и во многих странах, наблюдается столкновение электоральных интересов слоев, живущих в разных временных системах. Часть общества продолжает существовать в рамках традиционной российской политической культуры. В ней, например, очень сильна такая черта, как уважение к государству, к общественным интересам, к судьбе страны. Она еще не скоро избавится от традиций патернализма в отношениях между государством и населением, от традиции неверия и недоверия органам власти, от традиции «вытаскивать» героев из национальной истории, исходя из современной политической необходимости.

Совершенно иная направленность свойственна молодым людям, рожденным в 1980–1990-х годах. Это поколение, прожившее всю свою жизнь в «эпоху перемен», забытое властью и упивающееся постмодернистской свободой, само вошло в публичную политику. Из «забытого» поколения эти люди на глазах превращаются в поколение перемен, электорат открытости, независимости и глобализации. Это новое поколение эпохи постмодерна.

Анализ современной политической ситуации в России дает основания говорить о том, что ней совершенно отчетливо обнаруживается столкновение «модерновой» «культуры телевизора» и «постмодерновой» «культуры Интернета». В рождении новых отношений между обществом и властью Интернет-демократия сталкивается с телевизионно управляемым манипулированием.

Библиографический список

1. *Ирхин Ю.В.* Проблемы постмодерна в политике // Материалы XVIII конгресса МАПН (Квебек), 8 января 2011. URL: www.imperativ.net/imp12/quebec.html

2. *Бауман З.* Текучая модерность: взгляд из 2011. URL: www.polit.ru/article/2011/05/06/bauman/

3. *Маньковская Н.Б.* Эстетика постмодернизма. СПб., 2000.

4. *Панарин А.С.* Политология. М., 2000.

5. *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993.

6. *Соловьёв А.М.* Мега-тенденции российской политики // Власть. 2000. № 8.

7. *Шарам П.* Сравнительная политология: в 2 ч. М., 1992. Ч. 1.

8. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 21–22.

9. Мы ждем перемен? 9 февраля 2012. URL: http://fom.ru/politika/10313